

Культура

Дзеффирелли forever

Великий итальянец посетил «Черешневый лес», чтобы посадить дерево, открыть свою выставку и ретроспективу фильмов

Мария БАБАЛОВА

Поначалу Франко Дзеффирелли кажется необычайно хрупким. Однако его страстный взгляд выдает невероятно темпераментную и увлеченную натуру. Он курит одну сигарету за другой и считает главным, чтобы в доме были растения и собаки. Это как сигареты. От этих пристрастий он отказывается не собираясь ни при каких условиях.

Дзеффирелли неоднократно выходил победителем в дуэлях со смертью. Пожалуй, самый известный случай — автокатастрофа в 1969 году, когда за рулем была не кто иная, как Джина Лоллобриджида. С тех пор Дзеффирелли даже не желает слышать это имя. Авария оставила его с изуродованным лицом, над которым впоследствии несколько лет колдовали пластические хирурги, и заново воскресенной в нем верой в Бога, которая остается с ним по сей день. Недавно Дзеффирелли опять повидался со смертью. Он перенес сложную операцию на бедре и получил осложнение — почти фатальную инфекцию. Теперь каждый шаг ему дается с невероятным трудом и требует поддержки друзей.

Но Дзеффирелли научился выживать и бороться за себя с малых лет. Джанфранко Корси — настоящее имя знаменитого флорентийца — незаконно рож-

денный сын мелкого торговца одежды Отторино Корси. Его мать — модельер Алаида Гароси умерла, когда ему было только шесть. У отца была другая семья, и все детство и отрочество Джанфранко провел в доме своей тетки, которая любила его, как родная мать.

Во время войны, не желая становиться под фашистские знамена, он вместе с коммунистами, которых всегда ненавидел, ушел партизанить. Он трижды оказывался под огнем, но всякий раз ему удавалось уйти. В последние годы Дзеффирелли жестоко преследуют проблемы со здоровьем. Но болезням не слишком удалось повлиять на его всегда обширные творческие планы.

Выпускник архитектурного факультета Флорентийской академии изящных искусств после войны не захотел заниматься архитектурой. Его влекли театр и кино. Первая работа Дзеффирелли — театрального художника относится к 1945 году (спектакль по пьесе Пиранделло «Патент»). Однако сам Дзеффирелли предпочитает считать своим дебютом в качестве сценографа работу на постановке Висконти чеховских «Трех сестер» в 1952 году. В 1954 году, после триумфа «Золушки», постановку которой молодой театральный художник едва ли не в ультимативном порядке вытребовал у администрации La Scala, критики признали его выдающимся оперным режис-

сером. Ныне с именем Дзеффирелли ассоциируется само понятие настоящей итальянской оперы. Он всегда славился беспредельной роскошью и бескрайним романтизмом своих постановок. Но за внешним великолепием его постановок неизменно скрываются подлинные человеческие чувства. Теперь в биографии Дзеффирелли почти сотня оперных постановок, в которых он часто совмещает амплуа режиссера и художника, демонстрируя всему миру все великолепие разнообразия своих «возрожденческих» талантов.

Пару лет назад Дзеффирелли пустил с молотка на аукционе Sothby's в Милане реквизит самых популярных своих фильмов. Предметы, выставляемые на продажу, по самым скромным подсчетам, оценивались в миллион долларов. Еще бы, ведь там была даже кровать из знаменитой экранизации «Ромео и Джульетты» 1967 года, а также всякие мелочи, которыми пользовались Ричард Бартон и Элизабет Тейлор в «Укрощении строптивой», поставленной в 1966 году и ставшей режиссерским дебютом Дзеффирелли в кино. Но все же пока коллекция еще велика, и чаще распродаж случаются выставки.

Вот и ныне Дзеффирелли посетил фестиваль «Черешневый лес» прежде всего для того, чтобы открыть выставку своих художественных работ «Искусство спектакля». Дзеффирелли

лично отбирал все экспонаты для московской выставки и руководил их «расселением» на два месяца в музейных стенах, сутками пропадая в залах. Требовал не только предельной аккуратности, но придирчиво следил за соблюдением всех деталей и нюансов авторского замысла. Перед самым отъездом он еще раз заглянул в музей, чтобы удостовериться в том, что все в порядке.

На вернисаже можно было заметить, как многие из гостей пытались незаметно прикоснуться к шикарному костюму Марии Каллас или Пласидо Доминго. В музее личных коллекций ГМИИ им. Пушкина представлены эскизы декораций к драматическим спектаклям и операм Дзеффирелли, а также костюмы из фильмов и спектаклей. Всего 128 эскизов, 29 костюмов, а также макет постановки «Мадам Баттерфляй», премьера которой состоится на «Арене ди Верона» нынешним летом 19 июня.

У Дзеффирелли по-прежнему очень много дел. Недавно он был назначен специальным декретом на должность особого советника министерства культуры и мира визуальных искусств в Италии. Также он вынашивает идею нескольких оперных постановок и двух фильмов, названия которых пока утаивает, похоже, из-за суеверия.

Но в Москву Дзеффирелли привез не только свою выставку, но и свои фильмы. Он выдал восемь лент из своих 28 картин. Сейчас их можно увидеть в кинотеатре «Художественный». Это «Гамлет» (1990) с Мелом Гибсоном в главной роли, «Ромео и Джульетта» (1967), оперы «Отелло» (1986) и «Травиата» (1982) с Пласидо Доминго, во многом автобиографичная лента «Чай с Муссолини» (1990), «История черноголовки» (1993), «Брат Солнце, сестра Луна» (1971) и, конечно, его последний фильм Callas forever («Каллас навсегда», 2002).

С великой гречанкой Марией Каллас он дружил более 30 лет и, как никто другой, имел право на полувывмышленную историю о последних месяцах ее жизни, где он дарит блистательной певице, утратившей голос, ее прежнее дарование во всем блеске. Это лучший подарок, который мог сделать сам себе режиссер к 80-летию, которое отметил он в прошлом году. Дзеффирелли устроил свой день рождения в обществе той, которую любил больше всех на свете. Ведь Дзеффирелли был одним из тех избранных, кто общался с Каллас до самой ее смерти, кто не смог ей тогда помочь. И, похоже, этим фильмом он одновременно сказал ей два очень важных слова: «прости» и «спасибо».

«У меня только две жены — кино и опера»

Франко Дзеффирелли дал интервью «РК»

— В своих спектаклях и фильмах вы очень часто бывали конгениальны и Верди, и Шекспиру. Вы хоть иногда ощущали, что живете в эпоху, которую сами создали?

— Нет, я не решаюсь на подобную мысль. Я ограничился бы фразой, что в эту эпоху жил также и Дзеффирелли.

— Ваша автобиографическая книга до сих пор не издана в вашей родной Италии. Неужто и правда не бывает пророков в своем отечестве?

— Во-первых, книга была написана на английском, потому что в Италии мне никто не предлагал этого сделать, а американцы меня очень просили написать книгу. А в Италии меня недолюбливают, потому что я занимаю всегда очень либеральную позицию. Я — демократ. В Италии же очень много критиков коммунистического толка, которым не нравятся мои взгляды. Книга вышла почти 15 лет назад, но до сих пор пользуется огромным успехом. Но по тем же «коммунистическим» причинам ее до сих пор не прочли ни по-итальянски, ни по-русски. Даже невероятно, что по сей день в Европе остаются две страны — Италия и Россия, где активно присутствуют коммунистические воззрения. Но сейчас я уже готовлюсь к тому, чтобы издать свою биографию и на русском и на итальянском языках, и что самое замечательное — она будет более полной, нежели ее первый вариант, сделанный в конце 80-х годов. Книга дойдет до сегодняшних дней, и, наверное, в нее войдет даже эта московская выставка.

— Вы дважды избирались в итальянский парламент, что вы искали в политике?

— Да, создавая произведение искусства, художник не имеет права ориентироваться на какие-либо политические взгляды. Но десять лет назад, в 1994 году, рухнула вся демократическая система в Италии. Коммунистам удалось победить, абсолютно уничтожив все демократические партии, которые присутствовали в парламенте. И в тот момент вехи своих друзей собрал Илвио Берлускони и задался вопросом: «Неужели

мы позволим своей родной Италии упасть в коммунистическую пропасть?». И тогда мы все пошли на выборы. Я победил с огромным преимуществом, набрав 66 процентов голосов. И в целом нам удалось защитить Италию от коммунистической чумы. Теперь вся эта коммунистическая экспансия, к счастью, уже в прошлом.

— А что легче срежиссировать: фильм, спектакль или собственную жизнь?

— Мне не дано режиссировать собственную жизнь. Это дело Господа. Я лишь могу немного варьировать события. Во всех своих поступках я всегда руководствуюсь только своими эмоциями. Ни деньги, ни какие иные соображения не могут повлиять на мое решение. Если же выяснится, что решение оказалось ошибочным, я извинюсь, но в следующий раз поступлю точно так же.

— В чем суть вашего режиссерского метода? Как вам удавалось укротить нрав оперных примадон?

— Суть одна — это любовь. Когда слышу музыку, я подчиняюсь ей инстинктивно. Музыка — это чудо, это вечность. Опера — прекраснейшее из искусств. А примадон, которые должны извлекать из своей плоти порой просто запредельные ноты, я думаю, надо только пожалеть. В момент творчества человек хочет добиться наилучшего результата, от невероятного стресса он может кричать и скандалить. А через пару минут, когда все сценические испытания позади, в этом человеке поселится ангельский характер. Я люблю певцов. Я восхищаюсь ими.

— Какую черту своего характера вы считаете определяющей?

— Терпение. Без терпения ничего не выйдет даже у самого талантливого художника.

— А легко ли ужиться со своим талантом?

— Не знаю. Я не задумываюсь об этом. Это все равно что спросить: «Как вы живете со своей ладонью?» Я привык к такой жизни.

— Как вы думаете, со временем у людей становится больше мозгов и меньше чувств?

— К сожалению, это правда. Сегодня мир стремится к глобализации. Люди в большей степени сосредоточены на своих интеллектуальных возможностях и все меньше времени и сил отдают своим эмоциям. Действительно, это очень трагическая ситуация. Люди очень много думают, но при этом не понимают, что чувства — самая важная вещь в жизни. Раньше, когда люди чаще прислушивались к своему сердцу, они создавали невероятные шедевры. Сейчас, когда люди стремятся поделиться лишь своим умом, человечество практически перестало являть миру шедевры. Создаются только компьютеры и мобильные телефоны. Конечно, это тоже хорошие и нужные вещи, но для того, чтобы сказать что-то важное на все времена, сделать то, что останется в людских сердцах, этого недостаточно.

— Как вы полагаете, каждый режиссер имеет право рассказать людям историю Христа?

— Рассказать может каждый. А вот результат может получиться недостойным сюжета. Я уже рассказывал историю Христа — так, как хотел и смог это сделать, еще в 1977 году, сделав шестичасовой фильм «Иисус из Назарета». Тот же фильм, о котором сегодня говорит весь мир — «Страсти Христовы» Мела Гибсона, мне кажется, просто ужасным. Это очень современный фильм. Насилие и кровь нравятся нынешней публике. Но превращать страдания Христа в мазохистский триллер — это низко. Пугать и подвлекать публику гораздо проще, чем ее возновать.

— Ваш последний фильм «Callas forever», к финалу становится похож не на интерпретацию образа великой певицы, а на ренкариацию. Как так получилось, что вы снимали многих примадон — Терезу Стратас, Катю Риччарелли, Елену Образцову, а свою любимую Каллас — никогда?

— Да, в этом смысле я в долгу перед Каллас. Замысел новой картины возник у меня еще 20 лет назад. Был момент, я хотел сделать фильм «Тоска» с Караяном и Каллас, но Онассис все это провалил. После всего он старался разладить со мной. Он делал все, чтобы разрушить наши отношения. Но я был благодарен судьбой на сотрудничество с Марией Каллас. И я очень благодарен Фанни Арданн, которая захотела и смогла думать, как Каллас. Каллас — это воплощение идеала. Но когда тонкий инструмент — голос, при помощи которого она общалась с миром, в силу естественных причин ее покинул, она не смогла с этим смириться. Она всегда хотела быть совершенством, это ее и погубило.

— Какой жанр вы все же предпочитаете больше: театр или кино?

— Мне трудно сделать выбор. За всю жизнь у меня было только две жены — кино и опера. Когда одна начинается надо-есть, я ухожу к другой.

— А в России вы когда-нибудь сделаете что-нибудь?

— Планов было много, но ни один пока так и не реализовался в реальный спектакль. Мне предлагал работать в Большом театре Владимир Васильев, а Валерий Гергиев хотел, чтобы на сцену Мариинского театра я перенес свою постановку «Аиды», сделанной мной для La Scala в 1963 году. Но это было невозможно технически, да и возвращаться к спектаклю 40-летней давности мне совсем не хотелось. Но я все еще не теряю надежды поставить спектакль в России.

— А что значит для вас быть флорентийцем?

— Если ты родился во Флоренции, то с детства привыкаешь ко всем окружающим тебя красотам и просто перестаешь их замечать. Я для себя открыл множество городов мира, а Флоренцию мне показали мои друзья-иностранцы. Но патриотизм я считаю абсолютно антигуманной вещью. Патриотизм ограничивает свободу и любовь человека, а душа должна летать, а зная никакие границы.